

Глава 13

Не успел Сун Хуэйхуэй надолго задержаться в нерешительности у входа в гробницу, как тяжёлые бронзовые врата внезапно пришли в движение. С низким, протяжным гулом они разошлись, открывая взору абсолютно чёрный провал.

Это был наклонный коридор. Стены его постепенно расширялись, а с них свисали бронзовые светильники в виде голов драконов-чи. Языки пламени лизали металл, и тусклый свет озарял небольшой участок пути. В тишине слышалось едва различимое потрескивание.

Отступить было некуда. Позади — лишь бескрайнее море леса и пугающая тьма. Юноша поджал губы и, подняв ногу, осторожно шагнул вперёд.

Чем глубже он спускался, тем круче становился склон.

В голове у него гудело. Одной рукой он опирался о стену, боком продвигаясь вглубь гробницы, а другой — отчаянно пытался вспомнить наставления Старого настоятеля.

Но долги за годы невнимательности приходилось возвращать. Бедняга напрягал все извилины, но смог вспомнить лишь три правила.

Первое: в гробнице тяжёлая энергия инь, ни в коем случае нельзя задерживать дыхание или закрывать глаза, иначе жизненная сила ян начнёт улетучиваться быстрее.

Он в панике широко распахнул глаза и принялся осторожно вдыхать и выдыхать. Вот только дыхание сбилось, и он закашлялся, отчего кончик его носа покраснел.

Второе: на поворотах и в местах, куда падает лунный свет, концентрация инь максимальна. Нужно найти северо-западное направление и переждать.

Сун Хуэйхуэй нервно сжал край своей одежды. Он понятия не имел, где здесь северо-запад.

Третье, и самое важное...

На лбу у него выступила капелька холодного пота. Коридор наконец закончился. Перед ним простирался узкий проход, в котором едва мог поместиться один человек, — настолько узкий, что пришлось бы идти, касаясь плечами стен, — и вёл он в неведомую тьму.

Тот понимал: миновав этот проход, он окажется в погребальной камере.

Но что же это за третье правило?

Он отчаянно рылся в своей памяти. Но чем больше он торопился, тем хуже получалось. Он помнил лишь, что Старый настоятель называл это правило самым важным, чрезвычайно, исключительно, особенно важным. Настолько, что Сун Хуэйхуэй запомнил лишь его значимость, но напрочь забыл содержание.

«Ладно»

Он решил не мучить себя.

«Когда войду в камеру и встречу с призраком... тогда и посмотрим»

Извилистый, словно кишки, проход наконец закончился, и впереди забрезжил бледный, колеблющийся свет свечи. Юноша ускорил шаг, направляясь к свету.

Переступив через высокий каменный порог, он увидел погребальную камеру во всём её великолепии.

Она была квадратной формы, с глубоким углублением в центре. Высоко на стенах, украшенных геометрическими узорами, висели канделябры. Бледное пламя освещало пол, но потолок терялся в непроглядной, как бездна, тьме.

Огромный саркофаг покоился в этом углублении.

Он невольно потёр предплечья. Здесь было по-настоящему холодно — не от низкой температуры, а от холода, идущего изнутри. Ледяные иглы, казалось, прорастали из каждой поры, заставляя руки и ноги дрожать от слабости.

Он осторожно, шаг за шагом, приблизился к массивному сооружению.

Несмотря на солидный возраст гробницы, саркофаг сохранил свой яркий, величественный бронзовый цвет, а узоры на нём были такими же чёткими, как и много веков назад.

В помещении не было ни малейшего движения воздуха, но пламя свечей горело ярко, концентрируя свой свет над внешним гробом.

«Неужели мне придётся его открывать?..»

Он не решался ни идти вперёд, ни отступить. Пришлось двигаться вдоль стены, прикусив от волнения и без того алые губы добела.

Изображения свирепых зверей на бронзе, казалось, вот-вот оживут, вырвутся из плена и

набросятся на него, разрывая плоть. Юноша невольно представил, что и злой дух внутри выглядит так же — с синей мордой и торчащими клыками.

Эта мысль прочно засела у него в голове.

Злой дух, злой дух... У него наверняка мощные синие ноги, от которых не убежать; десять кривых когтей, способных вспороть живот и вытащить кишки; сильные руки, которыми он может разорвать человека пополам.

А что до лица...

Сун Хуэйхуэй вспомнил изображения злых духов из мультфильмов: огромный рот, большие глаза, острые клыки и густая чёрная шерсть. Одного взгляда на такое хватило бы, чтобы маленький Сун Хуэйхуэй расплакался.

Даже нынешняя ситуация напоминала мультфильм: одинокий путник, заманенный в древнюю гробницу, чтобы открыть саркофаг и стать пищей для монстра.

Чем больше он об этом думал, тем чаще моргал, и в уголках его глаз заблестели слёзы.

Этот мёртвый призрак сказал, что он ему нравится, но не уточнил, за что именно.

«А что, если ему нравится его нежное мясо?»

В панике размышляя об этом, он принялся ощупывать себя в поисках мясистых мест.

Бог свидетель, мяса на нём было немного — худощавое тело, тонкие запястья. Единственное место, где оно имелось, — ягодичы. Да и то немного. Если у злого духа большой рот, он съест всё за два-три укуса. Разве таким наешься?

Но, несмотря на эти рассуждения, он не мог перестать представлять свою смерть: хоть на нём и мало мяса, голодный дух не станет привередничать. Он обнюхает его с ног до головы, нацелится на упругие ягодичы и безжалостно вцепится в них. Юноша будет плакать и брыкаться, но не сможет вырваться, беспомощно наблюдая, как слюна призрака делает его кожу липкой, а потом его проглотят за пару укусов.

Какая жалость.

Картина была слишком ужасающей. Он боялся думать дальше, опасаясь, что от страха у него подкосятся ноги и он сдастся без боя.

В пустой гробнице каждый его вздох отдавался гулким эхом. Внезапно, как только он оказался прямо перед саркофагом, раздался грохот.

Крышка приоткрылась.

От этого звука у него подкосились ноги, лицо побледнело, и он едва не свалился в щель между саркофагом и полом.

Ледяной порыв ветра подхватил его тело и вернул на ровную поверхность.

Юноша всё ещё не пришёл в себя. Он обессиленно рухнул на пол, спрятав голову в согнутых локтях, словно страус. Лишь спустя некоторое время он осмелился прислушаться к звукам.

Кроме грохота сдвинувшейся крышки, не было ни рёва злого духа, ни ужасных звуков разрушения. Внутри было тихо, слышно было лишь его собственное дыхание.

Он осторожно выглянул в сторону саркофага.

Тот был приоткрыт совсем немного, обнажая лишь уголок внутреннего гроба.

Злой дух не выбрался наружу.

Он с облегчением выдохнул, но тут же снова напрягся.

Пережитый страх сослужил ему добрую службу: от шока он наконец вспомнил содержание третьего правила.

«Очисти тело, вознеси благовония, не прикасайся к его вещам, будь во всём осторожен»

Хорошая новость — он вспомнил. Плохая — за это короткое время он уже нарушил два пункта.

«Очисти тело, вознеси благовония» — это было проще всего. В знак уважения к усопшему перед входом в гробницу следовало смыть с себя скверну.

Он опустил взгляд на свои грязные манжеты и штанины и виновато потёр рукавом грязь.

«Не прикасайся к его вещам» — это означало, что нельзя трогать погребальные дары, чтобы не разгневать покойного.

Юноша виновато покосился на саркофаг. Какие там дары, он, кажется, в панике несколько раз

пнул саму бронзовую конструкцию...

И действительно, стоило ему присмотреться, как на поверхности бронзы отчётливо видны несколько грязных следов от его обуви.

Он смущённо потянул за лямку своей сумки и, прикусив губу, попытался себя успокоить:

«Да, я нарушил два правила, но ведь осталось ещё одно — «будь во всём осторожен». Не всё так плохо. Всего два из трёх. Ничего страшного, ничего страшного»

Эта мысль вернула ему немного уверенности. Он быстро собрался с духом и смело двинулся вперёд.

Раз крышка приоткрылась сама, значит, злой дух хочет, чтобы он помог сдвинуть остальное.

Нарушив уже два запрета, юноша решительно потёр руки. В его тёмных глазах горела стальная решимость: он будет предельно осмотрителен и точно не нарушит третье правило!

Дело было не в излишней самоуверенности. Просто последний пункт был не из тех, что можно нарушить случайно.

«Будь во всём осторожен» — звучало расплывчато, но смысл был ясен: веди себя сдержанно и уважительно. Он помнил, как Старый настоятель, рассказывая об этом, погладил бороду, ткнул его пальцем в лоб и спросил, хорошо ли он всё запомнил.

Тогда Сун Хуэйхуэю это показалось излишним. Ну кто в здравом уме станет вести себя «неуважительно» по отношению к хозяину гробницы?

И сейчас он думал так же. Да, он был немного ленив и рассеян, но не настолько же высокомерен, чтобы совершить что-то действительно из ряда вон выходящее.

Саркофаг был высотой в три метра. Он вытер руки об одежду, как бы стряхивая с них пыль, уцепился тонкими белыми пальцами за щель и с силой потянул.

Три, два, один... не двигается.

Его бледное лицо покраснело от напряжения. Он прикусил губу и, обойдя конструкцию спереди, сменил позу.

Приподнявшись на носочки, он упёрся ступнями в пол, наклонился и, мысленно несколько раз извинившись и повторив «будь осторожен», упёрся ладонями в верхнюю плиту, надавив на неё

всем своим весом.

Поза была не самой изящной, но на этот раз крышка сдвинулась ещё немного.

В тот момент, когда он хлопнул в ладоши и собрался с силами для второй попытки, раздался громкий грохот — плита под его руками сдвинулась сама.

Под ней показался гроб — двухметровый, из чёрного дерева, покрытый искусной резьбой. Но он не успел его разглядеть. С тихим вскриком Сун Хуэйхуэй потерял опору, его ноги соскользнули, и он полетел вниз.

Единственное, что он успел сделать, — это перевернуться в воздухе, чтобы не упасть в гроб лицом вперёд.

«Столкнуться лицом к лицу с покойником — это было бы слишком неуважительно...»

Но тут же он понял, что переворачиваться было плохой идеей.

Крышка гроба была до смешного тонкой. Юноша никак не мог понять, почему в такой величественной гробнице оказался такой хлипкий материал. Тонкий настолько, что в момент его падения раздался отчётливый треск — и дерево сломалось.

Сун Хуэйхуэй почувствовал, как под ним проваливается опора, а затем его ягодицы с болью ударились обо что-то.

Он замер.

«Какой прямой нос» — была первая мысль, промелькнувшая в его опустевшей голове.

«Конец» — была вторая.

Кажется, он сел кому-то на лицо.

<http://bllate.org/book/16009/1499154>